

Ты боишься?

Сун Цяньцзи хотел увидеть Вэй Чжэньюя не из злого умысла, а просто из любопытства. Сразу после смерти он, конечно, завидовал удаче того, но, пролежав так долго в своей тёмной комнате и наблюдая за спектаклем жизни, он потерял всякое желание совершенствоваться, так к чему теперь завидовать чужому везению?

Слово «удача» было переменчивым и непредсказуемым.

Совершенствующиеся из знатных семей имели предков, накопивших много заслуг, и обители с хорошим фэн-шуй, а также подвластные им уезды или вотчины. Если они могли обеспечить мир и процветание на своих землях, заставить тысячи смертных поклоняться их золотым статуям, то чем сильнее был фимиам воскурений, тем лучше становилась их удача, и тем ровнее был их путь к бессмертию. Это был благотворный круг.

Простые же совершенствующиеся не имели ни драгоценных земель, ни духовных артефактов для защиты, их предки не возносились на небеса, и в мире смертных им никто не поклонялся. Им оставалось лишь утешать себя мыслью о «совершении добрых дел для накопления заслуг».

Был и другой, рискованный путь: с помощью особых техник похищать чужую удачу. Это была азартная игра с небесами, и малейшая ошибка грозила неминуемой расплатой.

Сун Цяньцзи никогда не помышлял о подобном.

Но однажды он столкнулся с даосской техникой из Обители Пурпурных Облаков под названием «Искусство созерцания ци».

Когда Сун Цяньцзи достиг ступени Превращения в божество, представители разных школ пришли поздравить его. Настоятель Обители Пурпурных Облаков публично продемонстрировал своё искусство. Глядя на других, он видел переплетение пяти цветов, облака и туманы, и по этому мог предсказать, благодаря чему человек добился успеха. Он говорил складно и убедительно.

Но когда он посмотрел на Сун Цяньцзи, то увидел лишь непроглядный чёрный дым и зловонный ветер, отчего едва не ослеп.

Сказать что-то плохое о Сун Цяньцзи он не посмел, лишь пробормотал:

— За сто лет созерцания ци я не видел подобного. Не могу понять, как он достиг всего этого.

Это означало, что он никогда не встречал человека с такой ужасной удачей, не получившего ни капли благосклонности Небесного Дао. Удивительно было то, что этот человек не только выжил до сегодняшнего дня, но и добился таких высот.

С тех пор дурная слава Сун Цяньцзи лишь укрепилась. В мире совершенствования его считали «безнравственным», человеком с тяжёлой судьбой и жестоким сердцем, которого не берёт даже Яма, владыка преисподней.

Но как бы о нём ни говорили за спиной, в лицо ему выказывали всё большее почтение и страх.

«Если Вэй Чжэньюй весь сияет золотым светом, ярким, как солнце, — подумал Сун Цяньцзи, — то в глазах совершенствующегося, владеющего „Искусством созерцания ци“, он будет выглядеть как ребёнок с золотом, идущий через рыночную площадь. На него непременно позарятся или попытаются отобрать его удачу. Значит, Вэй Чжэньюй должен владеть тайной техникой, позволяющей скрывать свою удачу и сливаться с толпой, чтобы незаметно накапливать силы»

Поэтому на этом Изящном Собрании «Достичь известности» он будет искать не прославленных гениев из разных школ, а неприметных учеников по фамилии Вэй.

— Старший брат Сун, о чём ты думаешь? — прервал его размышления Мэн Хэцзэ.

— Ни о чём, — покачал головой Сун Цяньцзи.

Мэн Хэцзэ решил, что тот беспокоится о Собрании:

— Я куплю тебе кисти, тушь, бумагу и тушечницу, чтобы ты мог попрактиковаться в каллиграфии и живописи.

— Не нужно, — Сун Цяньцзи закончил поливать землю и отставил лейку. — Я хочу купить семян.

— Семян? — не понял Мэн Хэцзэ. — Каких духовных растений?

— Не духовных, обычных, — Сун Цяньцзи не был привередлив. — Рассада тоже подойдёт.

— Это легко! — вмешалась Чжоу Сяюнь. — В большой кухне внешней школы есть!

Ученики внешней школы, ещё не достигшие стадии, когда можно обходиться без еды, питались в общей столовой. Там не было духовных растений, риса или мяса зверей, но обычного риса, лапши и овощей было вдоволь.

— Мы как раз пойдём работать на Рудник для добычи духовных камней, а на обратном пути зайдём на кухню и принесём тебе, — сказал Мэн Хэцзэ, прощаясь.

Сун Цяньцзи кивнул в знак благодарности.

Свежие ростки картофеля, покрытые блестящими каплями воды, таили в себе мощную жизненную силу, скрытую в земле.

Это было первое, что Сун Цяньцзи вырастил сам.

Он протянул палец и осторожно коснулся ростка. Это было новое и радостное чувство.

Обладая сокровищем с величайшей жизненной силой, «Источником Бессмертия», он стал острее воспринимать жизнь. Не только людей и живых существ, но всё, в чём была жизнь. Например, он мог почувствовать, когда лист сорвётся с ветки или когда цветок персика начёт увядать.

«Возможно, у меня действительно есть талант к земледелию. Высокие башни строятся с земли. Когда-нибудь у меня будет своя собственная ферма!»

После того как вопрос с семенами и рассадой был решён, Сун Цяньцзи, чтобы улучшить освещение во дворе, пересадил персиковое дерево от ворот на три чжана дальше.

Землю перед входом он тщательно вскопал и очистил, а по обе стороны от алых ворот поставил бамбуковые изгороди, создав два новых огорода.

Он работал с усердием, даже такое скучное и грубое занятие, как вскапывание земли лопатой, он выполнял с полной сосредоточенностью, словно это было самое интересное и важное дело в мире.

Сун Цяньцзи был доволен.

А вот те, кто за ним следил, были на грани срыва.

— Докладываю! Сун Цяньцзи купил семена и рассадку, кажется, собирается заниматься огородом!

— Докладываю! Сун Цяньцзи действительно начал таскать воду и обрабатывать землю!

— Докладываю! Сегодня Сун Цяньцзи посадил баклажаны, зелёный лук, чеснок...

— Докладываю! Сун Цяньцзи собирается сажать цветы перед воротами...

— Вон, вон отсюда, хватит докладывать!

Чжао Юйпин в гневе махнул рукой. Чайная чашка со стола упала и разлетелась на куски.

Он стоял посреди осколков и топал ногой:

— Да что этот щенок задумал?!

Низкоуровневый совершенствующийся, которому не хватало времени на развлечения и даже на сон, который готов был выжать из суток сорок часов на совершенствование, вдруг занялся огородом. И с тех пор, как он начал возиться с землёй, он перестал совершенствоваться.

Чем больше Чжао Юйпин думал об этом, тем сильнее его охватывало беспокойство. Ему казалось, что за этим странным поведением Сун Цяньцзи кроется какой-то коварный и масштабный план. Это было похоже на меч, занесённый над головой: невозможность угадать замысел противника вызывала тревогу.

— Когда придут люди из Академии «Зелёный Утёс» и Школы Божественной Мелодии? Ночи длинные, а сны тревожны. Пошлите кого-нибудь поторопить их.

Чэнь Хунчжу тоже была не в восторге.

Она вызвалась следить за Сун Цяньцзи не для того, чтобы слушать ежедневные отчёты о том, как он сажает рассаду и поливает грядки.

Чэнь Хунчжу подкупила учеников из двадцати соседних жилищ, оставив им духовные камни и почтовых бумажных журавликов, и сопровождала это суровой угрозой:

— Если Сун Цяньцзи что-то предпримет, а вы вовремя не заметите и не доложите мне, пеняйте на себя, отведаете моего хлыста!

Благодаря кнуту и прянику, её информация была точнее, чем у Чжао Юйпина.

Но Сун Цяньцзи, словно что-то почуяв, почти не выходил из дома. Необходимые семена и инструменты ему приносили Мэн Хэцзэ и его друзья.

«Он предпочитает заниматься этой ерундой, лишь бы не тренироваться с мечом. Он что, специально меня злит?»

Эта мысль не давала Чэнь Хунчжу покоя. Она не могла сосредоточиться ни на тренировках с мечом, ни на медитации.

— Сун Цяньцзи вышел!

Бумажный журавлик принёс свежие новости, и Чэнь Хунчжу тут же вскочила.

***

Сун Цяньцзи закрыл алые ворота. Он уже собирался идти, но вдруг поднял глаза на персиковое дерево.

Солнечный свет был ясным, пышные цветы и нежные листья создавали оживлённую картину.

На ветке, покачивая ногами, сидела девушка в красном и с улыбкой спросила:

— Куда собрался?

Сун Цяньцзи нахмурился:

— Как ты сюда попала?

Никаких колебаний духовной энергии. Она появилась из ниоткуда, распугав птиц.

— С помощью этого! — Чэнь Хунчжу достала ромбовидный жетон. — Стоит тебе шевельнуться, и я тут же окажусь рядом!

Золотой свет вспыхнул, ослепив Сун Цяньцзи.

— Ты же знаешь, мой отец и его братья-наставники не хотят тебя видеть. Такая грязная работа, как слежка за тобой, естественно, досталась мне. Пользуясь случаем, я одолжила у отца Истинный приказ Хуавэй. С этим приказом можно использовать формации школы и свободно перемещаться по всей территории, появляясь где угодно в мгновение ока, — с гордостью заявила Чэнь Хунчжу. — Например, на Террасу Ловли Звёзд на задней горе. С моим уровнем совершенствования мне туда пока не попасть. Но с тех пор, как у меня есть приказ, я могу, когда не спится, в любой момент пойти посмотреть на звёзды. За это я тебе действительно благодарна.

После неудачного опыта прошлого общения она решила, что с этим человеком лучше быть откровенной, чем что-то скрывать. Но она не сказала, почему не спит по ночам, да и его это, скорее всего, не волновало.

Сун Цяньцзи потерял дар речи.

«Чем это отличается от туризма за казённый счёт и пиров за чужой?» — подумал он.

Но, вспомнив о статусе Чэнь Хунчжу, он решил, что стричь шерсть с собственных овец — не преступление.

Он развернулся и пошёл.

Чэнь Хунчжу спрыгнула с дерева и побежала за ним:

— Ты куда, тренироваться с мечом?

— Не тренироваться, иду посмотреть на духовные поля.

Чэнь Хунчжу закусила губу и решительно сказала:

— Скоро Собрание «Достичь известности», ты не можешь из-за упрямства так себя запускать! Я могу извиниться за свою прошлую грубость!

За свои восемнадцать лет она привыкла быть хозяйкой положения, никогда не склоняла головы, не говоря уже об извинениях. Если он и на этот раз не оценит её жест, она по-настоящему разозлится.

— Ты разве не знаешь? — спросил Сун Цяньцзи.

— Что?

— Я записался на каллиграфию и живопись.

Чэнь Хунчжу закашлялась:

— Ты и вправду спятил!

— Путь совершенствования подобен плаванию против течения. Ступив на него, ты обречён на вечную борьбу: с людьми, с небесами. Иначе, отстав на шаг, отстанешь навсегда, — с жаром убеждала она. — В четырнадцать-пятнадцать лет кто-то на начальной стадии переработки ци, а кто-то уже на пике. Кажется, разница невелика, но чем дальше, тем она будет больше. Когда твой друг Мэн Хэцзэ будет формировать золотое ядро, а ты всё ещё будешь пытаться пробиться к созданию основы, тебе не будет обидно?

— Не будет.

Сун Цяньци шёл, любуясь пейзажами, с безмятежным видом.

Чэнь Хунчжу злилась на его безразличие. Ей хотелось схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть.

— Ты, на стадии переработки ци, получил личное наставление от «того человека»! Это величайшая удача, о которой другие и мечтать не могут, даже если их предки в могилах перевернутся! Почему ты это не ценишь? Какое право ты имеешь это не ценить!

Она глубоко вздохнула:

— Даже если ты не хочешь соревноваться с ровесниками-совершенствующимися, даже обычный смертный, не занимающийся совершенствованием, понимает простую истину: если не хочешь, чтобы тебя унижали и резали, как скот, нужно бороться изо всех сил. Каждый хочет быть выше других, поэтому этот мир и стал таким, где человек человеку волк.

— А ты чего так переживаешь? — усмехнулся Сун Цяньци. — Ты мне матушка, что ли?

— Ты! — Чэнь Хунчжу чуть не убежала от злости, но, сверкнув глазами, вдруг сказала: — Я слышала, что ты сказал. И не только я, теперь вся школа Хуавэй знает.

— У Мяо Янь много фанатичных поклонников, и они тоже придут на Изящное Собрание «Достичь известности». У тебя будут проблемы, боишься?

Сун Цяньци подумал и честно кивнул:

— Боюсь.

Человек, способный стать фанатичным последователем, определённо не отличается большим умом. Он уже испытал это на себе в прошлой жизни.

Мяо Янь пригласила его послушать цитру у холодного озера, а они спрятались на дне, чтобы помешать, но разбудили спящего там тысячелетнего крокодила, который гнался за ними сорок ли.

Мяо Янь пригласила его покататься на лодке и попить чаю, а они спрятались под лодкой, чтобы напасть на него, но, боясь, что их разнесёт быстрым течением, связались верёвкой. Достаточно было потянуть за одного, чтобы вытащить целую гирлянду. Семь дынь на одной верёвке.

Эти люди, умом не превосходящие Чжао Цзихэна, были редким источником смеха в его скучной прошлой жизни. Но тогда он держал марку великого мастера, особенно перед Мяо Янь, и не хотел, чтобы его считали каким-то несерьёзным бродягой. Хотелось смеяться, но приходилось сдерживаться, и это было мучительно.

Теперь же никаких рамок не было, он мог смеяться, сколько душе угодно. Если они встретятся снова, он боялся, что умрёт со смеху.

Чэнь Хунчжу же замерла.

Она знала, что у него твёрдый характер, и ожидала, что в ответ на её провокацию он с геройским видом скажет: «Кто кого боится, пусть только сунутся». Тогда она могла бы, воспользовавшись моментом, убедить его усердно тренироваться с мечом, чтобы проучить этих фанатиков.

Но он так просто и легко признал свой страх, что она растерялась.

— Они придут, ты ведь тоже боишься? — вдруг спросил Сун Цяньцзи.

— Чушь, я буду бояться?! — вспыхнула Чэнь Хунчжу. — Бояться ещё чего! Мне просто не нравится Мяо Янь, и если кто-то посмеет из-за этого задирать нас двоих, пусть сначала отведаёт моего меча.

— А разве ты не хлыстом дерёшься?

— Хлыст у меня для остратки! Как петарды на Новый год, чтобы только шум был, — серьёзно сказала Чэнь Хунчжу. — Меч — это оружие. Меч, ранящий людей, нельзя показывать без причины.

— Так ты и это понимаешь, — с некоторым удивлением сказал Сун Цяньцзи. — А ты не так проста.

— А ты, оказывается, умеешь делать комплименты, я думала, ты только злить умеешь. Впрочем, ты тоже не прост, — Чэнь Хунчжу, обрадованная похвалой, ответила тем же. — Держу пари, Мяо Янь сейчас от злости вся дрожит, готова перила своего бамбукового домика сломать, но при этом делает вид, что ей всё равно!

Сун Цяньцзи покачал головой:

— Нет. Не будет.

Пока они говорили, перед ними раскинулись ярусы духовных полей, похожие на тысячи волн

застывшего снега.

***

Мяо Янь стояла у перил и молча любовалась цветами.

Где бы она ни была, её всегда окружали свежие цветы.

Она и Чэнь Хунчжу терпеть не могли друг друга, поэтому она, естественно, не хотела останавливаться в её Дворце Беззаботности.

Хоть они и были двоюродными сёстрами, у них не было той детской дружбы, что связывает близких людей. Чэнь Хунчжу была поздним ребёнком Истинного Сюйюня, и с рождения была принцессой школы Хуавэй.

Родители же Мяо Янь умерли рано. Перед смертью мать доверила её своему брату, главе школы Хуавэй.

К сожалению, её духовный корень был слаб, а меридианы — тонки и гибки, совершенно не подходящие для владения мечом или саблей. Как бы она ни старалась, Истинный Сюйюнь лишь качал головой и хмурился.

В школе Хуавэй её держали из милости, как лишний рот.

После рождения Чэнь Хунчжу Мяо Янь переехала из главного пика в уединённую бамбуковую рощу на задней горе.

Так продолжалось до тех пор, пока в школу Хуавэй не приехала в гости Фея Ваншу. Она увидела, что Мяо Янь подходит для изучения Искусства небесного звука, взяла её в ученицы и передала ей все свои знания.

С тех пор жизнь Мяо Янь изменилась.

Когда она снова появилась перед людьми, то стала уже талантливой и сияющей богиней с девяти небес.

Казалось, она всегда была такой.

Во Дворце Беззаботности Чэнь Хунчжу для неё построили Павильон Небесной Гармонии, чтобы показать всем, какие они близкие подруги.

Но Мяо Янь предпочитала жить в своём прежнем бамбуковом домике.

Школе Хуавэй пришлось обновить его, повесить белые занавеси из шёлка цзяо, расставить ночные жемчужины, сделав жилище изящным и неземным.

Когда вошла служанка, она увидела, что Мяо Янь задумчиво смотрит на цветы, и в её бровях промелькнула тень печали. Подумав, что её расстроили слухи, она встревоженно сказала:

— Вы тоже слышали?

— Что? — Мяо Янь на миг растерялась, но потом, вспомнив ту неприятную фразу, с улыбкой покачала головой: — Ничего.

— Школа Хуавэй пригласила вас в гости, а их ученик осмелился проявить к вам неуважение! — возмутилась служанка. — Если бы я его встретила...

— Нет. Дело не в нём.

Мяо Янь повернулась, взяла маленькие золотые ножницы и начала подрезать лишние ветки у бонса.

— Бамбуковый домик стоит в уединении. Если ты услышала сплетни, значит, кто-то хотел, чтобы я их услышала. Хотел разозлить меня.

Служанка задумалась и вдруг, хлопнув в ладоши, сказала:

— Тогда их ждёт разочарование. Я никогда не видела, чтобы фея злилась!

Мяо Янь улыбнулась.

Она привыкла всю свою любовь, ненависть, радость и печаль вкладывать в музыку. Когда мелодия затихала, она поднимала голову и снова становилась безупречной феей.

Она никогда не показывала на людях своих отрицательных эмоций.

— К тому же, какой-то ученик внешней школы не стоит вашего гнева, — усмехнулась служанка.

— Щёлк.

Золотые ножницы соскользнули, и бутон цветка упал на пол.

Улыбка Мяо Янь померкла:

— Ученик внешней школы?

Она отложила ножницы. В её памяти почему-то всплыла встреча на Мосту Уходящей Воды, его холодный взгляд, слегка нахмуренные брови.

«Если это тот человек, то он действительно мог такое сказать»

— Ах, цветок упал! — удивилась служанка и тут же утешила: — Ничего страшного, снаружи новые цветы, я сейчас принесу.

Старые цветы выбросили, а на террасу выставили новые.

Орхидеи с золотыми прожилками, пятицветные пионы, хрустальные рододендроны...

Изящный бамбуковый домик в мгновение ока наполнился цветами и ароматами.

— Посмотрите на них, — хихикнула служанка. — Сами ещё не пришли, а цветы уже здесь.

Мяо Янь любила смотреть на цветы. Прекрасные цветы и прекрасная дева — радость для глаз. И другие тоже любили дарить ей цветы. Стремиться к самой красивой женщине, дарить самые яркие цветы — многие считали это верхом изящества.

Служанка, будучи с Мяо Янь много лет, была ей как сестра. Она повидала всевозможные редкие и драгоценные цветы и духовные растения, и её уже ничем нельзя было удивить.

— Фея, какой из этих цветов вам больше всего понравился?

— Никакой.

Мяо Янь отвернулась, и, хотя вокруг неё цвели все краски мира, она больше не смотрела на них.

Она села за стол у бамбукового окна и склонилась над цитрой.

— А из тех, кто прислал цветы, кто вам больше всего по душе?

— Никто.

Служанка задумалась. Она действительно никогда не видела, чтобы Мяо Янь выделяла кого-то.

— А какой человек вам вообще нравится? — не удержалась она.

— Тот, кто понимает мою музыку, — красавица коснулась струн. Звук не складывался в мелодию, но лился, как родниковая вода по камням, свежий и приятный.

Жаль, что таких людей мало. Кому играть, когда струны порваны?

Служанка не поняла и хотела спросить, что значит «понимающий музыку», как вдруг её взгляд загорелся. Она, словно бабочка, поймала бумажного журавлика.

— Письмо от Феи Ваншу!

Мяо Янь не подняла головы, лишь спросила:

— Что пишет наставница?

— Просит вас после окончания испытания игры на цитре на Собрании «Достичь известности» сыграть одну мелодию, чтобы успокоить дух собравшихся и помочь им в совершенствовании.

— Понятно, — Мяо Янь поправила жемчужную шпильку в волосах и усмехнулась. — Наставница всё так же любит побеждать.

Если она будет играть в финале, кто вспомнит, что играл победитель этого года?

Молодые люди, приезжающие на собрание, все жаждут славы. Завоевать первое место упорным трудом, но остаться незамеченным.

Немного жаль.

Мяо Янь мысленно заранее извинилась.

Мастера старшего поколения, оберегая свой статус, не станут участвовать. Она была уверена, что в нынешнем мире совершенствования среди тех, кто готов выступать публично, ей нет равных.

Каждый год кого-то превозносят как «маленькую Мяо Янь», но это лишь мимолётное явление.

Мяо Янь всегда одна.

При этой мысли на её лице появилось холодное, упрямое выражение, которое полностью разрушило её мягкую красоту, сделав её почти другим человеком.

Но она сидела, склонив голову, и никто этого не видел.

<http://bllate.org/book/16982/1584484>